

В. Е. Гусев

**ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
В «СЕРБСКИХ ЛЕТОПИСЯХ» (1825—1830)**

(К 150-летию Матицы Сербской и ее «Летописа»)

В 1825 г. появился первый номер «Летописа» — старейшего из ныне существующих журналов на сербскохорватском языке¹. Вскоре его приняла под свою эгиду основанная в 1826 г. просветительно-издательская организация Матица Сербская².

Первый период в истории «Летописа» связан с именем выдающегося деятеля сербской культуры начала XIX в. — учителя красноречия Новосадской гимназии Георгия Магарашевича, ставшего редактором нового журнала. За сравнительно небольшой срок — всего пять лет — Г. Магарашевич и его ближайший сотрудник, словацкий этнограф П. Шафарик, который в те годы также был учителем Новосадской гимназии, придали журналу литературный и научно-популярный характер с широкой славистической историко-культурной и патриотической программой. В предисловии, написанном Г. Магарашевичем в мае 1824 г., было сказано: «Все что относится к Славянскому народу вообще — от Адриатического до Ледовитого, от Балтийского до Черного морей, и особенно — что касается нас, сербов<...> — все это есть предмет «Сербской летописи»; а ее характер пусть будет таков: никого не обидеть, но всем как можно больше пользы принести»³.

Со смертью Г. Магарашевича (1830) и с отъездом из Нови-Сада П. Шафарика (1833) «Летопис» в значительной мере утратил свой универсальный культурологический и славистический облик. Это побуждает провести специальный анализ фольклорно-этнографических материалов журнала за первые годы его существования. Рассматривая «Летопис» лишь в плане историко-литературном или в связи с реформой литературного сербскохорватского языка, как это обычно делалось, невозможно объективно оценить роль журнала в общем процессе становления национальной сербской культуры и в истории славяноведения в целом. Наконец, представляет интерес и то обстоятельство, что, по свидетельству современного историографа Матицы Сербской Ж. Милисавца, «„Летопис“ при Магарашевиче проникнут любовью к русским как никогда после того»⁴.

¹ Издание было предпринято по инициативе Г. Магарашевича, П. Шафарика и Л. Мушицкого. В 1825—1830 (ч. 1—20) за журналом удерживалось двойное название: «Сербские летописи» как общее, и для каждой книги — «Сербска летопись» (ч. 1, 2) либо «Сербский летопис» (ч. 3), либо чаще — «Летопис».

² См.: Ж. Милисавец, Матица Српска, Београд, 1965, стр. 27—35.

³ «Сербские летописи за год 1825». Первая частица. У Будиму, 1824, стр. V (далее — СЛ).

⁴ Ж. Милисавец, Указ. раб., стр. 43.

Прежде всего необходимо рассмотреть взаимоотношения между В. Караджичем и «Летописом», которые могут быть объективно освещены лишь с учетом всех материалов журнала, а не только его позиции в спорах о реформе правописания⁵. Недостаточно ограничиться выяснением тех обстоятельств, которые разделяли Караджича и Магарашевича. Несправедливо было бы рассматривать «Летопис» и «Даницу» Караджича лишь как соперничающие издания.

Караджич был, безусловно, центральной фигурой в культурной жизни Сербии первой половины XIX в., а отношение к его деятельности — пробным камнем для оценки его современников. Смысл и значение его деятельности нельзя свести лишь к языковой реформе. Поле его деятельности оказалось настолько велико, что у него должны были появиться единомышленники и в других областях — прежде всего в области этнографии и фольклора. Именно этому способствовал «Летопис» Матицы Сербской в первые годы его существования.

Выход в свет первой части «Сербских летописей» был задержан митрополитом Ст. Стратимировичем, ярым противником Караджича. Непосредственным поводом для такого действия Стратимировича послужило то обстоятельство, что в календаре на 1825 г., открывающем новое издание, некоторые праздники давались не по церковному канону, а на народном сербском языке и в «вуковской» орфографии. Сам Магарашевич жаловался Караджичу в письме от 5 декабря 1824 г., что неприятности возникли вследствие того, что «календарь напечатан *по-сербски*»⁶. На экземпляре первой части, хранящемся в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, имеются рукописные заметки и примечания на чешском языке, принадлежащие П. Шафарiku. На обороте первого листа «Календаря» он сделал следующее примечание об этом конфликте:

«На этот Календарь его превосходительство архиепископ и митрополит Карловацкий Стеф. Стратимирович (...) через местный (Новосадский. — В. Г.) магистрат *sequestrum* наложил за то, что имена святых посербены (...) Однако (...) Будимская рада (...) *sequestrum* отменила и разрешила продавать Летопис с Календарем. Бедняга-издатель (...) впал в немилость у архиепископа»⁷.

Именно это столкновение и зависимое положение Г. Магарашевича заставили его отказаться от «вуковской» орфографии и даже перепечатать в «Летописе» отрицательный отзыв об азбуке Караджича, появившийся в русском консервативном журнале «Сын Отечества»⁸.

Вместе с тем на страницах «Летописа» высоко оценивалась деятельность Караджича. В третьей части за 1826 г. опубликована (в «вуковской» орфографии!) пространная «Ода Вуку Стефановичу Караджичу», написанная молодым поэтом С. Стефановичем, где, в частности, была высказана уверенность, что Караджича «ждет награда вечно строгого

⁵ обстоятельную характеристику позиции журнала и в связи с этим взаимоотношений между В. Караджичем и Г. Магарашевичем дал Ж. Младенович. См. Ж. Младенович, Вук Караџић и Матица Српска, Београд, 1965.

⁶ «Вукова преписка», кн. II, Београд, 1908, стр. 504.

⁷ СЛ, 1825, ч. 1, экз. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, шифр С.45.5.1/1, заглавный лист «Мѣсяцеслов за лѣто 1825» (без нумерации). Заметки П. Шафарика в этой части, а также во второй части СЛ (шифр — С. 45. 5. 1/1) представляют большой интерес и сами по себе, и потому, что Шафарик раскрывает авторство большинства опубликованных здесь статей, а также художественных произведений. В дальнейшем мы будем пользоваться указаниями Шафарика, не ссылаясь на него.

⁸ СЛ, 1825, ч. 2, стр. 132. Ср.: Г. <Н. И. Греч>, Известие о новой книге, «Сын Стечества», 1824, № 36, стр. 241—249. Сам Караджич опубликовал в «Данице» резкий «Отговор русскому рецензенту» и противопоставил точке зрения консервативного журнала другой, благожелательный отзыв В. И. Кеппена — редактора «Библиографических листов». (См. «Даница. Забавник за годину 1826», стр. 95—106).

судьи — потомства» и выражено сочувствие молодежи к борьбе реформатора:

...Перед Молодежью цель твоя стоит,
Солнечным светом преследуемой Истины
Озарена, и она (молодежь.— В. Г.) устремится за тобою
мужественно⁹.

Когда Г. Магарашевич узнал, что Российская Академия наук определила В. Караджичу пенсию, он сразу же высказал не только свою радость по этому поводу, но и усмотрел в этом общую победу над противниками Караджича: «Мы здесь, ваши друзья, сердечно этому радуемся, ибо тем самым как бы некую победу одерживаем над всеми теми, кто <...> будучи злобно одушевленным, отмищения ищет»¹⁰, — писал он. Более того, Магарашевич сам вызвался опубликовать это известие¹¹ и исполнил свое намерение. На страницах «Летописа» появляется подробное сочувственное сообщение о назначении Караджичу русской пенсии, а заодно и о выходе в свет перевода сербских народных песен на английском языке с посвящением перевода Караджичу¹².

Магарашевич радовался и возобновлению Караджичем издания «Даницы», воскликнув при этом совершенно неожиданно: «Слава богу, что прекратилась Будимская монополия»¹³. В «миллой Данице» Магарашевич видел не соперницу, а «сестру» своего журнала и символически выражал пожелание: «<...> Пусть ладят, как две сестрицы: “Даница, пусть светит, а “Летопис,, — не блуждает во мраке!»¹⁴. Искренность этих заявлений Магарашевича подтверждается тем, что на страницах «Летописа» печатаются извещения о выходе «Даницы» и подробно излагается содержание ее выпусков.

«Летопис» неоднократно публикует отзывы о фольклорных изданиях Караджича¹⁵. Так, в той же заметке, где цитируется неодобрительное суждение «Сына отечества» о «вуковой» орфографии, приводится и библиографическая сводка положительных рецензий в немецкой печати на песенные сборники Караджича, а также говорится о признании заслуг Караджича как собирателя и самим русским рецензентом¹⁶. Систематически появляются в «Летописе» сообщения о переводах на иностранные языки песен, собранных Караджичем¹⁷. Издатель «Летописа» заявлял по этому поводу: «Слава сербским народным песням! Мы об этом предмете в нашей «Летописи» во многих местах говорили, нашего читателя часто извещали о том, с какой любовью народы, не только родственные нам по языку, но и другие <...>, наши песни принимают, с каким старанием их хвалят, с каким трудом переводят и к своей пользе их обратят желают»¹⁸.

Разумеется, интерес к фольклору и этнографии проявлялся в «Летописе» не только в непосредственной связи с Караджичем и его изданиями. Гораздо существеннее то, что программа журнала в этом отношении объективно соответствовала тому, что делал Караджич как бытописатель сербского народа и собиратель произведений народного творчества. И в этом немалая заслуга П. Шафарика, который во многом был

⁹ СЛ, 1826, ч. 3, стр. 80; обстоятельства появления «Оды» см.: Ж. Младенович, Указ. раб., стр. 34—35.

¹⁰ «Вукова преписка», кн. II, стр. 509, (письмо от 25.XI.1825).

¹¹ Там же, стр. 510.

¹² СЛ, 1827, ч. 2, раздел «Смесице», стр. 167, 168.

¹³ «Вукова преписка», кн. II, стр. 510.

¹⁴ Там же, стр. 512 (письмо от 12.X.1827).

¹⁵ Большую часть библиографических сведений сообщает «Летопису» сам Караджич, сотрудничавший там анонимно. Некоторые заметки пишет Шафарик. См.: Ж. Младенович, Указ. раб., стр. 27, 30, 31.

¹⁶ СЛ, 1825, ч. 2, раздел «Смесице», стр. 130—133.

¹⁷ См., например, обзор «Народные сербские песни», СЛ, 1827, ч. 1, стр. 86—89.

¹⁸ СЛ, 1829, ч. 1, раздел «Смесице», стр. 140.

единомышленником Караджича. Шафарик вел с Караджичем оживленную и содержательную переписку, не прекратившуюся даже после разрыва последнего с Магарашевичем¹⁹.

Сотрудничество Шафарика в «Летописе» совпало с его углубленными и плодотворными занятиями славистикой и, в частности, с исследованиями в области культуры сербского народа²⁰. На страницах «Летописа» публиковались статьи Шафарика, которые вошли затем во Введение к изданной на немецком языке его «Истории славянского языка и литературы на всех наречиях» и которые следует рассматривать также в связи с позднее опубликованными в Чехии его этнографическими трудами²¹. Именно Шафарика, который стремился придать «Летопису» характер научного издания, принадлежат и наиболее серьезные статьи в области славянской этнографии. Уже в первых книжках «Летописа» появляется его обстоятельный обзор «Поколения славянского народа в третьем десятилетии XIX века», содержащий сведения об этнических границах расселения славян и их численности в начале прошлого века и представляющий интерес как один из первых опытов классификации славянских народов. (Здесь Шафарик, правда, еще не вполне самостоятелен и вслед за И. Добровским делит славян на две группы — юго-восточную и северо-западную)²².

Особенно интересна статья Шафарика «Характер славянского народа вообще», представляющая собой своеобразную попытку выявить типологические черты в национальном характере разных народов. Цель статьи — опровергнуть пристрастные, односторонние и враждебные отзывы о славянах и определить характерные, прежде всего положительные черты их этнического облика (трудолюбие, жизнерадостность, любовь к своему языку, дружелюбие и стремление к согласию с другими народами)²³.

В связи с последним свойством славян Шафарик замечает: «Славянин — подлинный гражданин мира (в благородном смысле этого слова), поэтому можно легко объяснить, почему славянин дружит с другими народами и с доверием и дружелюбно с ними живет»²⁴.

Здесь же Шафарик отмечает любовь славян к пению: «Где славянка, тут и песня (...) Каков дух славянских народных песен — можно видеть из тех, которые до сих пор собраны и изданы. Придерживаясь истины, можем сказать, что ни у одного народа Европы естественная поэзия не распространена в столь высокой степени и с такой чистотой, нежностью и теплотой чувства, как у славян»²⁵.

¹⁹ «Вукова преписка», кн. IV, Београд. 1909, стр. 618—705.

²⁰ См. «K. Jireček. Šafařík mezi Jihoslovany», Praha, 1895; С. Н. Томић, Дњижевни и научни рад П. И. Шафарика, «Летопис Матице српске», кн. 197, 1899, стр. 8—30.

²¹ P. I. Schaffarik, Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, Pest, 1826; его же. Slovanské starožitnosti, Praha, 1837, его же. Slovanský zeměvid, Praha, 1842; его же. Slovanský národopis, Praha, 1842.

²² СЛ, 1825, ч. 1, стр. 51—61. Статья в журнале опубликована без подписи. На цитируемом экземпляре рукой Шафарика поставлены его инициалы P.J.S. На стр. 61 к статистической таблице им сделано примечание: «На эти цифры не полагаться; и в набор вкрались ошибки».

²³ СЛ, 1825, ч. 1, стр. 86.

²⁴ Там же, стр. 94. Этническая характеристика славян, содержащаяся в цитируемой статье, была значительно расширена в другой статье — «Славяне», написанной по материалам Л. Суворецкого и П. Шафарика (СЛ, 1829, ч. 1—4). Из других этнографических материалов о славянах отметим статью Г. Магарашевича «Черногорцы». (см. СЛ, 1825, ч. 2, стр. 18), «Вероисповедания старых славян» (по Карамзину, СЛ, 1826, ч. 3), «О славянской географии» (СЛ, 1827, ч. 1), «Славянские руны» (СЛ, 1830, ч. 1), «Краткое географическо-статистическое описание России» (СЛ, 1829, ч. 2), а также перепечатку статьи «Записки о путешествии по славянским землям» из «Библиографических листов», № 38 и 39 за 1825 г. (СЛ, 1828, ч. 1, 2) и пересказ статьи о польской мифологии из «Вестника Европы» за февраль 1826 г. (СЛ, 1829, ч. 2).

²⁵ СЛ, 1825, ч. 1, стр. 91.

О том, что это не частное мнение Шафарика, а определенная платформа журнала, свидетельствует то обстоятельство, что в нем одна за другой появляются статьи о народной поэзии таких разных авторов, как поэт-классицист М. Светич (псевдоним И. Хаджича) и скромный провинциальный учитель А. Драгославлевич. В них высокая оценка славянских песен переносится на сербские.

И. Хаджич-Светич опубликовал перевод из «Энеиды» Виргилия с характерным подзаголовком: «По образцу сербских юнацких песен». В послесловии к своему переводу автор замечает: «И со стихами этого славного поэта (Виргилия.— В. Г.) просвещенные народы сравнивают наши народные песни». Автор утверждает, что если бы сербские поэты писали в согласии с «естественным» духом, заключенным в народных песнях, они достигли бы большего успеха. Симптоматично, что И. Хаджич-Светич ссылается на статью Н. Цертелева «О народной поэзии», опубликованную в «Соревнователе просвещения и благотворения», и цитирует место, где прогрессивный русский критик выражал сожаление о том, что русские писатели XVIII в. «не обращали внимания на гармонии русских песен». И. Хаджич-Светич призывает прислушаться к самокритичным суждениям русского писателя и подкрепляет свой призыв к сербским поэтам следующим утверждением: «народное песнетворчество разлито во всем народе как живой дух и ныне господствует, растет и крепко держится»²⁶. Статья эта писалась еще в то время, когда И. Хаджич не отошел от Караджича.

Особенно близка по духу и форме звуку фольклоризму статья приверженца реформы Караджича — А. Драгославлевича «Голос и ценность народных сербских песен». Автор восторженно пишет о пении «простого серба» и о силе воздействия «естественной» поэзии: «Все известные мне ученые поэтические сербские сочинения не в состоянии в человеке (особенно простом и неученом) вызвать то, что делает одна народная песня. Все наши поэты сербские не могут так дух и сердце человеческое растрогать, а один слепец песнями и гуслими целую толпу соберет около себя и в плач обратит». При этом автор ссылается на причитание молодой женщины и пение слепца-гусляра, которые он сам слышал. Драгославлевич отмечает большое значение песни в жизни, труде и быте народа; подчеркивает ее нравственную и познавательную пользу; обращает внимание на богатство и красоту народного языка²⁷.

Караджич в письме Драгославлевичу с удовлетворением писал об этой статье: «С большим удовольствием читал в „Летописе“ ваш „Голос и ценность наших народных песен“». Сообщая, что некий «одаджия»²⁸ очень сердится на Драгославлевича и угрожает ему пером, Караджич ободряет его народной поговоркой: «Кто боится воробья, пусть не сеет проса»²⁹. Драгославлевич отвечал Караджичу в связи с намеком на «одаджию»: «Кто разгневается, тот сам обнаружит, что он действительно слабый „запевала“» (буквально — «коловоджа»; тот кто ведет сербский танец — коло.— В. Г.)³⁰.

Общие оценки и характеристики сербских песен дополняются и конкретизируются на страницах «Летописа» в более специальных статьях, освещающих их художественное своеобразие и эстетическую ценность. Такова, например, работа П. Берича «Несколько слов о внешней форме

²⁶ СЛ, 1826, ч. 1, стр. 69—72.

²⁷ СЛ, 1826, ч. 4, стр. 100.

²⁸ «Одаджия» — здесь одописец, обобщенный образ поэта-классициста, против которого была направлена статья Драгославлевича (слово в этом значении употреблено им самим).

²⁹ «Вукова преписка», кн. V, стр. 238 (письмо от 16/28.XI. 1826).

³⁰ Там же, стр. 240 (письмо от 30.XI.1826). Ж. Младенович, на наш взгляд, неубедительно истолковывает отношение Караджича к публикации статьи. Ср.: Ж. Младенович, Указ. раб., стр. 44, 45.

(букв.—крое) народных сербских песен», где автор пытается охарактеризовать народно-песенное стихосложение, правда, не всегда точно, и отчасти противопоставляя свое понимание ритмики народных песен той характеристике, какую дал ей Караджич в предисловии к первой книге своих «Сербских народных песен»³¹.

Интересна и принципиально важна статья последователя Караджича — Е. Коларовича «Сербская народная музыка». Автор не ограничивается восхищением красотой сербских народных песен и, преодолевая обычный для фольклористики начала XIX в. односторонне филологический подход к фольклору, обращает внимание на то, что они «живут и сохраняются в устах народа только в пении, а не в декламации и рецитации». Он констатирует, что стих народной песни неразрывно связан с напевом и потому следует записывать не только ее текст, но и музыку³². Сам автор в приложении к статье дает образец нотной записи девяти народных песен, сделанной 1 января 1828 г. в Карловце.

«Летопис» предоставлял свои страницы для публикации сербских народных песен³³, а также сообщал не только об изданиях Караджича, но и о других собирателях и их записях. Так, в «Летописе» впервые можно было прочитать о собирательской работе писателя С. Милутиновича, который сообщил в редакцию, что записывает «народные песни в Черногории» и «столько их уже имеет, что они составили бы два больших печатных тома»³⁴. В журнале публикуется следующая интересная характеристика черногорских песен, данная Милутиновичем: «Черногорские песни имеют меньше поэзии, <нежели> реальности, истории; и это для сербства столько же или более полезно»³⁵. Издатель «Летописа» радуется обещанию Милутиновича дать описание путешествия по Черногории, надеясь при этом получить разъяснение многим сомнительным сведениям о черногорцах, содержащимся в записках французского офицера В. де Сомьера.

«Летопис» откликнулся также на сборник славянских песен, изданный Ф. Л. Челаковским в переводе на чешский язык³⁶, и с одобрением сопоставил перевод сербских песен с оригиналом (заметка, очевидно, принадлежит перу Шафарика)³⁷.

Однако представления о подлинном фольклоре у издателей «Летописа» были еще неясными. Об этом свидетельствует тот факт, что журнал не только не заметил мистификации в известном сборнике П. Мери-ме «La Gusla», но и отстаивал подлинность якобы записанных французским романтиком сербских народных песен и выражал лишь сожаление о том, что они опубликованы в переводе, а не в подлиннике!³⁸

Обзор фольклорно-этнографических материалов «Сербских летописей» за 1825—1830 гг. свидетельствует о том, что журнал Матицы Сербской в первые годы его существования занимал в этой области прогрессивную позицию, объективно совпадавшую с программой Вука Караджича, хотя и уступал последнему в понимании сербского фольклора и

³¹ СЛ, 1829, ч. 2, стр. 98—102. Сам Караджич позднее критически отозвался об этой статье в предисловии к книге Л. Милованова «Опит настављена к србској сличноречности и слогомерју», 1833.

³² СЛ, 1828, ч. 4, стр. 114, 115. До этого, как известно, впервые образец нотной записи сербских песен дал сам Караджич во втором своем песенном сборнике «Народна србска пјснарица», Вена, 1815.

³³ См. СЛ, 1826, ч. 4, стр. 102—109; 1828, ч. 4, стр. 19—26.

³⁴ СЛ, 1828, ч. 4, стр. 131. Ср. С. Милутиновић, Пјвања Црногорска и Херцеговачка, Будим, 1833.

³⁵ Там же, (пропущенное слово восстановлено по смыслу.— В. Г.)

³⁶ «Slovanské národní písně», Praha, I—III, 1822—1827.

³⁷ СЛ, 1829, ч. 3, стр. 175.

³⁸ См. извещение о выходе в свет сборника: «Песни действительно народны, и совсем неплохие <...>» (СЛ, ч. 1, 1828, стр. 154), реферат статьи «Иллирическая поэзия», «The Foreign Quarterly Review» (СЛ, 1830, ч. 1, стр. 132—134) и полемику с немецким рецензентом (СЛ, 1828, ч. 2, стр. 136—138).

народности сербской культуры, что и определило большее значение Караджича в истории фольклористики³⁹. Вместе с тем, хотя «Сербские летописи» и не опубликовали ни одного фольклорно-этнографического очерка о собственно сербской народной культуре, равного по полноте «Географо-статистическому описанию Сербии» Вука Караджича, напечатанному им в «Данице»⁴⁰, журнал Матицы Сербской чаще и больше, чем «Даница» 20-х годов XIX в., печатал фольклорно-этнографические материалы и, в соответствии с программой первых лет, существенно дополнял деятельность Караджича более широким охватом славянской этнографии в целом.

В этом смысле «Сербские летописи» сыграли важную роль в истории славяноведения и заняли заметное место в ряду фольклорно-этнографических изданий первой трети XIX в.

³⁹ См. доклады о фольклористической деятельности Вука Караджича на Международном симпозиуме в Белграде («Анали филолошког факултета», «Вуков зборник», I, Београд, 1964) и на XI Конгрессе фольклористов Югославии («Rad XI Kongresa Saveza folklorista Jugoslavije u Novom Vinodolskom. 1964», Zagreb, 1966, s. 165—306). См. также: В. Е. Гусев, Вук Караджич и русская фольклористика, «Русская литература», 1964, № 2, стр. 149—165.

⁴⁰ [В. Караджич], Географическо-статистическо описаније Србије, «Даница», 1827, стр. 25—120. Очерк был перепечатан в русском переводе под названием «Описание сербского народа» в журнале «Вестник Европы», 1827, № 14—18.
